

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ МИХАЙЛОВ

доктор химических наук, профессор,
профессор кафедры аналитической химии,
сертификации и менеджмента качества
Казанского национального исследовательского
технологического университета,
Казань, Россия;
e-mail: olegmkhlv@gmail.com

«Смартфомания» в молодежной среде как продукт «цифровизации»: бытие определяет сознание?

УДК: 316.6:004.738.52

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-2-150-159

Рассмотрены проблемы, связанные с возможным использованием в молодежной среде, и прежде всего студентами образовательных учреждений высшего образования, современных электронных средств информации (смартфонов) при сдаче ими экзаменов и/или зачетов. Констатировано, что в современной студенческой среде имеет место весьма сильно выраженная «смартфомания», при которой для подготовки ответа на вопросы экзаменационных билетов соответствующая информация извлекается не за счет собственных знаний и даже не из учебников, а посредством обращения в систему Интернет с использованием смартфонов. Обращено внимание на большую опасность такого подхода в процессе обучения, развитие которого в будущем способно привести к полной профанации выпускников образовательных учреждений.

Ключевые слова: смартфон, цифровизация, экзамен, экзаменатор, оценка, университет, профанация.

Вместо пролога

Пятьдесят с лишним лет назад, еще будучи школьником старших классов, в одном из так называемых отрывных календарей я наткнулся на весьма любопытную заметку, в которой рассказывался эпизод из древнеримской истории. Речь в ней шла

о некоем знатном римском рабовладельце по имени Марцелл (был ли он потомком знаменитого полководца и консула Марка Клавдия Марцелла или же лишь его одноклассником — история, как говорится, умалчивает), у которого счет рабов шел на сотни, а денег и золота было вообще без счета. Одним словом, все у него было, не хватало лишь одного — учености. Думал он, думал, как из этого неприятного положения (которое все ж отбрасывало тень на его репутацию) выйти, и придумал: поручил управляющему своим хозяйством отыскать среди массы своих рабов наиболее умных, после чего приказал каждому из них... выучить наизусть какой-либо фрагмент из наиболее популярных произведений того времени — «Илиады», «Одиссеи» и др. После того как этот его приказ был выполнен, Марцелл решил, что учиться ему уже не надо — у него под руками всегда была своеобразная «живая библиотека», «книги» которой (т. е. рабы) несли в себе весьма обширную информацию. И чтобы эта информация стала, как сейчас принято говорить, «достоянием гласности», ему достаточно было в нужный момент лишь подмигнуть своему управляющему. Тот в свою очередь давал сигнал соответствующему рабу, который выходил перед присутствующими и выдавал на-гора все то, что ему положено было запомнить. Некоторое время эта его затея имела успех, но довольно скоро случился конфуз. По какому-то торжественному случаю собралась у него в доме масса самых знатных людей Рима, и по ходу застолья зашла речь о том, что люди ели в старину. Марцелл долгое время отмалчивался, но в какой-то момент взоры гостей обратились к нему, и тогда он произнес: «Об этом есть славное местечко в “Илиаде”» — и подмигнул управляющему. Тот предстал перед публикой, отвесил низкий поклон хозяину и произнес извиняющимся тоном: «Прости, повелитель! У “Илиады” живот болит!» После этого весь Рим потом долго потешался над этим «гениальным изобретателем», а сам он все это время просто избегал появляться на людях. Вспомнил я все описанное выше потому, что деяния немало числа современных молодых людей, и прежде всего студентов вузов, на ниве того, как списывать (все равно что и все равно откуда), очень сильно смахивают на эту давнюю историю...

Истоки «смартфонмании»

Списывание с чего бы то ни было во время экзамена или зачета, равно как и заготовка заранее «апокрифических» (т. е. запрещенных к использованию) документов, получивших в студенческой среде — по крайней мере в советской — краткое и звучное название «шпоры», имеет весьма давнюю историю и, что называется, красной нитью проходит через всю историю высшего образования. Причины этого могли быть самыми разными — от банальной ссылки на плохое от природы запоминание того или иного материала (как говорится, никто не жалуется на ум — все на память) до откровенной лени и нежелания приложить даже минимум усилий хотя бы в запоминании того, что нужно для сдачи экзамена/зачета. И весьма редкий из студентушек мог похвастаться тем, что никогда не пользовался таким приемом на каких бы то ни было экзаменах (к слову сказать, автор этих строк — из их числа). Однако вплоть до конца века двадцатого многие студенты довольно активно заготавливали эти самые «шпоры», а поскольку их надо было, как правило, писать самим, то в процессе создания таковых у их «творцов» волей-неволей хоть что-то да оседало в их собственных головах. На этом поприще встречались и настоящие «изобретения»

вроде того, что описано в легендарном фильме «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», где один из экзаменуемых студентов навесил себе на уши миниатюрные радиопередатчики (искусно замаскировав их ватными наушниками), на которые в нужный момент по замыслу должна была поступать соответствующая информация от его приятеля-суфлера, находящегося вне экзаменационной аудитории. Однако эта хитрая «задумка», как известно из того же самого фильма, не сработала — вопреки их убеждениям, что «профессор, конечно, лопух», экзаменатор оказался отнюдь не столь прост и фокус сей почти сразу раскусил. (Справедливости ради нужно, однако, отметить, что в этом ему невольно помог... сам этот студент-оболтус, неосторожно брякнувший одно лишь слово «прием» в момент, когда со взятым экзаменационным билетом направился вглубь аудитории.) Существовала в те годы даже притча о некоем студенте, который сочинил уникальное «методическое пособие» под интригующим названием «В помощь начинающему арапу-студенту», в котором излагались самые разнообразные приемы относительно того, как сдавать экзамены и зачеты, не готовясь к оным. Стала ли эта брошюра «бестселлером» среди тех студентов, для которых предназначалась, неизвестно, но поскольку имя ее автора так или иначе стало достоянием гласности, то преподаватели, вполне естественно, обратили на этого «уникального» субъекта особое внимание и на экзаменах стали спрашивать с него еще строже, чем делали это до выхода этой «методички» в свет. И как следствие, сей отрок довольно быстро ощутил на себе, как плохо бывает, когда практика не может подняться до высот теории, и с двойками он уже практически не расставался вплоть до самого конца своего обучения. Правда, согласно легенде, он хоть и с грехом пополам, но институт все ж окончил и диплом получил...

Как бы то ни было, тогдашний студент, даже если он пользовался «шпорами», то перед тем, как сесть за экзаменационный стол, в большинстве своем старался все-таки осмыслить то, что именно он списал с них или с иного запрещенного к использованию на экзамене первоисточника (учебников, лекций и др.). В немалой степени поэтому экзаменаторы с этим явлением боролись как могли — и оценки снижали тем, кого на данном неблагоприятном занятии смогли поймать, и с экзаменов выгоняли с позором, но, несмотря на все угрозы и кары, истребить это явление так и не смогли ни в одном из наших высших учебных заведений. И понятно, почему боролись: ведь в таком варианте весьма трудно проверить, из своей ли головы студент почерпнул ту информацию, которую он выкладывает экзаменатору в процессе общения с ним, или же нет (причем независимо от того, проводится ли экзамен в устной или же в письменной форме). А раз так, то и оценка знаний такого студента со стороны экзаменатора в ряде случаев может оказаться (а в ряде случаев — и реально оказывалась) завышенной, что, как говорится, не есть хорошо. В последние 10–15 лет ситуация с этим, однако, радикальным образом изменилась. Теперь никто уже не пишет этих самых «шпор» и не тащит на экзамен за пазухой учебники или иную литературу по соответствующей дисциплине — и то, и другое среди нынешних студозусов считается архаизмом. Так что же, проблема списывания ушла в прошлое? Ничуть не бывало, напротив — как это ни прозвучит парадоксально — она еще больше усугубилась. И еще более парадоксальным окажется ответ на вопрос о причине, благодаря которой это произошло, который может быть выражен всего лишь двумя словами: технический прогресс. Точнее, не он сам по себе, а одно из его многочисленных детищ, известное ныне под названием «смартфон» (в бук-

вальном переводе от английского ‘smart phone’ — умный телефон). Устройство сие и в самом деле можно считать умным, вот только почему-то я все больше убеждаюсь в том, что ума от него прибавиться не может, а вот лишиться способности думать и соображать, которая нам худо-бедно дана матерью-природой, можно запросто. Ибо тот, кто его использует без всякой меры, очень быстро привыкает рассуждать примерно так же, как матушка балбеса Митрофана из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», незабвенная госпожа Простакова — зачем, мол, нужна какая-то там «еоргафия», когда «...извозчики-то на что ж?.. Дворянин только скажи: повези меня туда, — свезут, куда изволишь». И в самом деле, зачем современному студиязусу (причем совсем не обязательно лодырю и/или балбесу) напрягать свои мозги, что-то там запоминать, если можно набрать на своем смартфоне соответствующий вопрос в поисковой строке системы *Google* или «Яндекс» и почти тут же получить на него надлежащий ответ? А уж будет ли он правильным или нет — это, как говорится, для такого студента дело десятое: лишь бы написать хоть что-то, авось экзаменатор это «проглотит». Ведь в Интернете сейчас, что называется, не пишет один лишь ленивый, и на какой именно сайт направит поисковая система набранный на экране смартфона запрос (или вопрос), а *grigri* ведь неизвестно...

Бытие определяет сознание?

Эта расхожая фраза из курса марксистско-ленинской философии, преподававшейся в советский период нашей истории во всех без исключения университетах, институтах и их факультетах, невольно приходит на ум, поскольку автор этих строк вынужден констатировать весьма неприятный факт: в отличие от студентов века двадцатого студент XXI в. в массе своей и впрямь ленится думать своей головой (опасаюсь произносить здесь слово «разучился», ибо это означало бы настоящую трагедию в системе российского высшего образования). Как-то на одном из экзаменов автор этих строк (после долгих сомнений и колебаний, однако) решился пойти на необычный для экзаменатора шаг — дал студентам при подготовке к ответу на вопросы экзаменационных билетов полную свободу действий, а проще говоря, разрешил им пользоваться всем тем, чем они сами пожелают (что было для них, судя по их лицам, полной неожиданностью). И хотя кое-кто из них притащил на этот экзамен учебники и другую рекомендованную им литературу по данной дисциплине, тем не менее после получения вышеуказанного разрешения НИКТО из присутствующих на экзамене студентов в эту самую литературу во время подготовки к беседе за экзаменационным столом (а автор этих строк принимает экзамен исключительно в устной форме, исходя из концепции необходимости так называемого живого знания, охарактеризованной в работе: [Даниелян, 2017], равно как и по причинам, детально изложенным в работе: [Михайлов, 2018]), даже не глянул. Все как один сразу же достали свои «умные телефоны» и стали искать ответы на поставленные в билетах вопросы, используя для этого поисковые системы Интернета. Видя такое дело, автор этих строк предупредил их, что не будет считать ответом на вопрос то, что они спишут, если не прочувствует от них понимания всего того, что они заимствовали из этой бездонной «информационной кладези». И, как он и ожидал, большинство из этих экзаменуемых при таких вольготных условиях студентов так и не сумели разобраться в смысле того, что же именно они списали. И готов биться об заклад,

что если бы данные ими ответы оценивали те преподаватели, которым я самолично сдавал в свое время экзамены, то, уверен, больше, чем двойки, они бы за них не поставили. Но сейчас, почти полвека спустя, ситуация в части приема экзаменов в высшей школе также изменилась радикально (и — увы — вряд ли в лучшую сторону), вследствие чего в решении вопроса о том, какую оценку ставить, экзаменатору подчас приходится руководствоваться арифметическим принципом «три пишем, два — в уме», который в данном случае приобретает совсем иной, иносказательный (если не сказать — прямо-таки зловещий) смысл.

Смартфон, нравится это кому-то или нет, становится (а вернее, уже стал) едва ли не «технической эпидемией» XXI в. Не хочу плохого наговаривать, но... Едешь, к примеру, в городском автобусе или в метро, пройдешься взглядом по салону — так там, как правило, больше половины пассажиров — и стар, и млад, забыв обо всем, держат в руках эти самые «умные телефоны», водят по ним туда-сюда пальцами, чего-то там высматривают на их экранах и, похоже, находят в этом действе своеобразную «романтику». И таких людей, увы, с каждым годом становится все больше и больше. Иные молодые люди (и студенты в том числе) умудряются есть, отдыхать и даже спать, не отрываясь от смартфона. Появилось ли новое направление в психиатрии по этому поводу, автор данной статьи не знает, но то, что «смартфономания» приобрела в нашем (и не только) обществе характер настоящей повальной болезни, которая весьма успешно развивается уже как минимум лет пять, не вызывает сомнений. И не следует думать, что избавление от «смартфономании» относится к числу тех проблем, которые можно запросто решить. Увы, она оказывается чем-то вроде наркотика, и в большинстве случаев для избавления от него подобного рода «наркоманам» понадобится помощь специалиста-психолога...

«Цифровизация» как первопричина «смартфономании»

«Смартфономания» появилась отнюдь не пустом месте — это прямое следствие так называемых цифровых технологий (*digital technologies*), которые в настоящее время, можно сказать, уже заполнили собой весь мир. В самом общем случае, согласно «Википедии», это суть «технологии, которые основаны на представлении сигналов дискретными полосами аналоговых уровней, а не в виде непрерывного спектра»¹. Не вдаваясь здесь в подробности, которые уже выходят за рамки данной статьи, заметим, что эти технологии имеют ряд преимуществ по сравнению с аналоговыми, и прежде всего в части сохранения информации, что в современных условиях приобретает особую важность. Во-первых, в цифровых системах хранить информацию проще, чем в аналоговых; во-вторых, помехоустойчивость цифровых систем позволяет хранить и извлекать данные без повреждения; в-третьих, в аналоговой системе старение и износ может ухудшить записанную информацию, тогда как в цифровой до тех пор, пока общие помехи не превышают определенного уровня, первичная информация может быть восстановлена совершенно точно². Во многом поэтому в настоящее время цифровые технологии получили широчайшее

¹ Цифровые технологии. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.03.2022).

² Там же.

использование — от вычислительной и компьютерной техники до фотоаппаратов, от радио- и телекоммуникационных устройств до роботов. Этому бы порадоваться, поскольку внедрение их в практику способно существенно упростить (и уже упростило) целый ряд таких важных для нас всех отраслей антропогенной деятельности, как финансовые операции в банках и магазинах, оказание государственных услуг, написание произведений науки, литературы и искусства... Но не зря ведь существует афоризм, согласно которому все сколько-нибудь значимые изобретения сделаны благодаря банальной человеческой лени и желанию как можно меньше напрягаться для выполнения чего бы то ни было (как, например, это показано в знаменитом сборнике рассказов Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», где, помнится, одному из героев галушки сами в рот прыгали). И изобретения, в основе которых лежат цифровые технологии, исключениями на этом фоне, увы, не оказались. Но это еще полбеда, если дело касается, скажем, банковского сектора экономики (где благодаря именно *таким* технологиям появились и, несомненно, в будущем будут появляться столь изощренные виды мошенничества и кражи денежных средств, о которых даже лет пятьдесят назад никто ни сном ни духом не ведал) — в конце концов, это проблема уже самих вкладчиков, на общем культурном уровне страны и ее населения сие никак не отражается. Чего, однако, нельзя сказать о системе высшего образования, где, если цифровые технологии бездумно использовать (что, увы, уже имеет место и, похоже, пока что «набирает обороты»), негативное их влияние способно оказаться гораздо ощутимее. И пресловутая «смартфономания» — это лишь один из признаков той деформации российского высшего образования, которая вполне может проявиться уже в ближайшей перспективе. Но дело тут не только в студентах, но и в преподавателях, ибо все чаще можно наблюдать картину, когда университетский педагог, читающий лекцию и/или ведущий семинарское занятие, прибегает с помощью этих самых технологий к демонстрации материала лекции (а подчас даже и словесного ее обрамления) на экране дисплея, не задумываясь (или не желая задуматься) о том, как *такой* его стиль изложения будет восприниматься студентами в чисто психологическом плане. Возможно, я испорчен временем, но в пору моего студенчества, когда о *таком* стиле изложения никто даже не мечтал, мои однокурсники, мягко говоря, не испытывали уважения к тем преподавателям, которые читали лекции «по бумажке», а то и просто посмеивались над ними, произнося при этом что-нибудь вроде: «Небезынтересно отметить, что лекции по химической технологии на химическом факультете читает доцент NNN. Слово “читает” надо понимать в буквальном его значении». А ведь чтение лекций с использованием дисплея компьютера, на котором изображено все то, что собирается сказать лектор (так называемая презентация), от чтения «по бумажке» недалеко ушло... И если так дело пойдет и далее, то не исключено, что уже в недалекой перспективе кто-то из государственных мужей, так или иначе курирующий российское образование (причем не только высшее, но и предшествующих ему уровней), возьмет да скажет в духе уже упомянутой выше госпожи Простаковой из «Недоросля» — зачем, мол, вообще нужны какие-то там педагоги да учителя, когда можно научиться всему, чему угодно, взирая на экран компьютера? И невдомек ему будет, что это все равно что стать садоводом, лишь глядя в окна на природу...

Указанная опасность, которую несет повальная «цифровизация» в высшем образовании, отнюдь не единственная в своем роде, но те, кто ратует за ее всемерное использование, о них либо просто не знают, либо знают, но предпочитают не

замечать. Вот лишь некоторые из них³: а) утрата способностей к творчеству и как следствие — утрата навыков письма хоть на русском языке, хоть на иностранном; б) утрата способности воспринимать большие тексты (в силу того, что возможности экранной их визуализации гораздо более ограничены, нежели визуализации в книжном формате); в) утрата способности адекватно воспринимать то, что изображено не на дисплее, а на других носителях информации (в частности, на бумажных), — так называемая экранная зависимость; г) утрата нормального зрения (ибо имеет место весьма существенная разница между нагрузкой на наши зрительные органы при восприятии информации с экрана компьютерного устройства и с бумажного носителя); д) утрата способности запоминать даже относительно небольшие объемы информации. К этому перечню стоит добавить и то, что функционирование любых устройств, в которых задействованы цифровые технологии, так или иначе связано с использованием электромагнитного излучения, которое вряд ли является совершенно безвредным, а раз так, то очевидно, что неумеренное пользование смартфонами со временем способно весьма сильно сказаться на здоровье того, кто извлекает из них какую бы то ни было информацию. Еще более страшным, как представляется автору этих строк (который, кстати, личный смартфон тоже имеет, но использует его лишь в качестве своеобразного фотоаппарата и не более того), является то, что тот, кто учится с использованием смартфонов, не только никогда не получит настоящих знаний ни по какой дисциплине, но и разучится думать. Но и это не самое страшное, гораздо страшнее представляется сам подход к образованию, исповедуемый рядом высших чиновников (не только наших, но и во всем мире), согласно которому образование — это сфера бизнеса, связанная с продажей услуг, и обучающийся покупает соответствующие навыки (именно навыки в части «цифровизации», а не знания), чтобы затем продавать их с прибылью. В рамках такого формализованного подхода человек рассматривается лишь как товар и не более того — отсюда устремленность на таланты именно в этой сфере, которые дороже стоят и приносят большую прибыль.

Так что, наверное, совсем не случайно в монографии: [Шнитцер, 2015] цифровые технологии в обучении ассоциируются с созданием «антимозга», обладатель которого способен лишь нажимать на соответствующие кнопки того или иного компьютерного устройства, но не способен о чем-либо размышлять и анализировать.

Есть ли решение проблемы «смартфомании»?

Как бы там ни было, на государственном уровне проблема «смартфомании», похоже, никого не волнует и никакой борьбы с этим злом ни у нас, ни где-либо в мире не ведется. Скажу больше: для тех государственных мужей, которые спят и видят, как бы превратить своих граждан в дебилов (а такие деятели, увы, есть в любом современном государстве, и Россия отнюдь не исключение!), всемерное распространение подобных технологий — это настоящая находка. Законов, если не запрещающих, то хотя бы ограничивающих использование смартфонов, насколько

³ Цифровизация образования. Все минусы электронной школы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/flood/43800-cifrovizaciya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoy-shkoly-chto-budet-s-detmi> (дата обращения: 25.03.2022).

известно, нет даже в государствах с откровенными тоталитарными режимами (да и вопрос о том, нужны ли они вообще, остается открытым). Хотя как бороться с подобной напастью, по крайней мере в системе образования (как начального, так и высшего), в общем вроде бы понятно. Можно просто потребовать от студентов, чтобы смартфоны в экзаменационную аудиторию вообще не вносили, а нарушителей этого запрета гнать с экзамена взашей. Можно разрешить их внести, но потребовать, чтобы все они были отключены и не имели связи с внешним миром. Можно, наконец, воспользоваться тем самым приемом, который задействовал экзаменатор в уже упомянутом выше фильме, а именно — навел помехи для приема радиопередачи и тем самым перекрыл поступление информации до ее адресата. «Глушилки» для смартфонов существуют, приобрести их в состоянии любое российское учреждение высшего образования — это сейчас не проблема, было бы желание. Но это все — запретительные меры, а мировая практика показывает, что эффект от таковых весьма часто оказывается противоположным тому, на что ориентирован запрет. Как пелось в известной советской частушке: «Дали радио задачу / Всех от пьянства отучить. / Трезвый слушал передачу / И с досады начал пить». Не забудем и о том, что, согласно расхожему афоризму, «запретный плод сладок».

Однако можно пойти и принципиально иным путем. Как хорошо известно из биологии, наилучшим способом борьбы с вредителями сельского хозяйства, как это ни парадоксально, является не их уничтожение, а, напротив, их разведение себе на пользу. Вот и в нашем случае нужно не запрещать, а, наоборот, *разрешать* студенту свободно пользоваться этой самой электронной техникой. Но при этом преподаватель университета должен будет принимать экзамены и зачеты исключительно в *устной форме*; как показывает практика (и личный опыт автора этих строк в том числе), тому, кто в сути сдаваемого предмета ничего не смыслит, простое переписывание информации — хоть со «шпор», хоть с учебников, хоть с экрана смартфона, планшета или ноутбука — все равно не поможет. И, естественно, экзаменатор должен проявить в ходе беседы с экзаменуемым студентом ответственность и принципиальность, в частности, задавая по ходу ответа студента на конкретный вопрос билета еще и дополнительные вопросы, при поиске ответов на которые студент уже не сможет воспользоваться ничем, кроме как собственными мозгами. Вот тут-то и выяснится, «кто есть who», как однажды образно выразился первый (он же и последний) президент СССР М.С. Горбачев. Заметим, что не имеет существенного значения, задействован ли при этом традиционный подход к оценке знаний в рамках пятибалльной системы или же используется рейтинговая система в рамках пресловутого Болонского процесса [*Гребнев, 2011*] (пусть даже последняя и имеет массу недостатков, отмеченных, в частности, в статьях: [*Сазонов, 2012, Михайлов, 2018*]).

Вместо послесловия

...У входа в Стелленбосский университет (Universiteit Stellenbosch)⁴, который находится в Западно-Капской провинции ЮАР, некоторое время назад появилась доска со следующей весьма примечательной надписью⁵:

Destroying of any nation does not requires atomic bombs or intercontinental ballistic missiles. It just has to decrease the quality of education and students to pass examination by fraud. As a consequence: patients will die in the hands of such kind of doctors; buildings will fall, built by such kind of engineers; money are vanishing in the hands of such kind of economists; justice is evaporating in the hands of such kind of judges. The crash of education is the crash of nation.

В переводе на наш родной великий и могучий, свободный и правдивый это звучит так:

Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана студентами на экзаменах. Как следствие: пациенты умирают от рук таких врачей; здания разрушаются от рук таких инженеров; деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров; справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования — это крах нации.

Тут в самый раз стоит вспомнить незабвенного Григория Потемкина-Таврического, которому молва приписывает следующие слова, адресованные автору уже упоминавшейся выше пьесы «Недоросль» Д.И. Фонвизину: «Умри, Денис, — лучше не напишешь». Ибо бездумное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс — неважно, преподавателями или студентами (в форме опять-таки бездумного пользования смартфонами и аналогичными им устройствами) — это как раз и есть путь, направленный на *крах высшего образования* — хоть у нас в России, хоть где угодно в мире. Какими бы благими намерениями это ни прикрывалось.

Литература

Гребнев Л.С. Болонский процесс и «четвертое поколение» образовательных стандартов // Высшее образование в России. 2011. Т. 20. № 11. С. 29–41.

Даниелян Н.В. Усиление роли «живого знания» при переходе к «обществу знаний»: проект и реальность // Высшее образование в России. 2017. Т. 26. № 3. С. 71–77.

⁴ Universiteit Stellenbosch — Wikipedia [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://af.wikipedia.org/wiki/Universiteit_Stellenbosch (дата обращения: 25.03.2022).

⁵ Путь к уничтожению любой нации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pikabu.ru/story/put_k_unichtozheniyu_lyuboy_natsii_6283307 (дата обращения: 25.03.2022); Университет в Южной Африке напомнил о важности образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/41252675-universitet-v-yuzhnoy-afrike-napomnil-o-vazhnosti-obrazovaniya/> (дата обращения: 25.03.2022).

Михайлов О.В. «Подводные камни» рейтинговой системы // Высшее образование в России. 2008. Т. 17. № 8. С. 29–34.

Михайлов О.В. Знания «с голоса», или О специфике приема экзаменов в современных исследовательских университетах // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 6. С. 58–65.

Сазонов Б.А. Балльно-рейтинговые системы оценки знаний и обеспечение качества учебного процесса // Высшее образование в России. 2012. Т. 21. № 6. С. 28–40.

Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / Пер. с нем. А.Г. Гришина. М.: АСТ, 2015. 284 с.

“Smartphonomania” in the Young Milieu as a Product of “Digitalization”: Being Defines Consciousness?

OLEG V. MIKHAILOV

Kazan National Research Technological University,
Kazan, Russia;
e-mail: olegmkhlv@gmail.com

The problems associated with the possible use by students of higher educational institutions of electronic media technology (smartphones) when they pass exams and / or tests are examined. It has been ascertained that in the contemporary student milieu there is a very pronounced “smartphone mania”, in which in order to prepare for the exam questions, necessary information is not extracted from their own knowledge or even from textbooks, but from the Internet through smartphones. Attention is drawn to the great danger of this situation in the learning process, the development of which can lead to the complete profanity of graduates of educational institutions in the future.

Keywords: smartphone, digitalization, examination, examiner, evaluation, university, profanation.

References

Danielyan, N.V. (2017). Usileniye roli “zhivogo znaniya” pri perekhode k “obshchestvu znaniy”: proyekt i real’nost’ [Intensification of “living knowledge” at the transition to knowledge society: project and reality], *Vysshye obrazovaniye v Rossii*, 26 (3), 71–77 (in Russian).

Grebnev, L.S. (2011). Bolonskiy protsess i “chetvertoye pokoleniye” obrazovatel’nykh standartov [The Bologna Process and the fourth generation of the educational standards], *Vysshye obrazovaniye v Rossii*, 20 (11), 29–41 (in Russian).

Mikhailov, O.V. (2008). “Podvodnyye kamni” reytingovoy sistemy [“Pitfalls” of the rating system], *Vysshye obrazovaniye v Rossii*, 17 (8), 29–34 (in Russian).

Mikhailov, O.V. (2018). Znaniya s golosa, ili O spetsifike priyema ekzamenov v sovremennykh issledovatel’skikh universitetakh [Oral exam, or About the specifics of taking exams in modern research universities], *Vysshye obrazovaniye v Rossii*, 27 (6), 58–65 (in Russian).

Sazonov, B. (2012). Ball’no-reytingovyye sistemy otsenki znaniy i obespecheniye kachestva uchebnogo protsesssa [Grade point average system as a fair measure for the estimation of knowledge and the quality of educational process], *Vysshye obrazovaniye v Rossii*, 21 (6), 28–40 (in Russian).

Shititser, M. (2015). *Anti-mozg: Tsifrovyye tekhnologii i mozg* [Anti-brain: Digital technology and the brain], A.G. Grishin (transl. from German), Moscow, AST Publishing (in Russian).